

Фиона

Невозможная любовь

«Автор»

2026

Фиона

Невозможная любовь / Фиона — «Автор», 2026

Она — богата. Он — беден. Их объединяет только детство и старая дружба, которую они пронесли через годы. Она не замечает его любви. Он не осмеливается сказать. Даже когда её выдают замуж за другого.

© Фиона, 2026

© Автор, 2026

Фиона

Невозможная любовь

Глава 1.

Мира проснулась оттого, что служанка раздвинула шторы.

Солнце хлынуло в комнату, и тысячи пылинок заплясали в воздухе, сверкая словно золотые искры. Но это была не магия — просто пыль, поднятая утренним ветром.

Мира села на кровати, поправила длинную ночную рубашку из тонкого шёлка и зевнула. Комната её была огромной: высокий резной потолок с барельефами древних магов, тяжёлые гобелены с изображениями стихий, хрустальные светильники, сундуки с платьями, туалетный столик с гребнями из слоновой кости и зеркальцем в серебряной оправе.

Она спустила ноги с кровати, подошла к зеркалу и поправила волосы. На неё смотрела девушка девятнадцати лет — высокая, тонкая, с длинными тёмными волосами и глазами цвета старого золота. Она была красива, и она это знала.

Мира выбрала простое утреннее платье цвета слоновой кости, без лишних украшений, и спустилась в малую гостиную. Завтрак подавали там — когда отец был занят с советниками. А отец был занят всегда.

За столом сидела её мать — женщина лет сорока с мягким лицом и добрыми глазами. Рядом с ней всегда пахло лавандой и свежим хлебом.

— Мира, дочка, садись, — Лиана улыбнулась и подвинула стул. — Ты сегодня рано.

— Служанка разбудила, — Мира села напротив, взяла лепёшку и отломил кусочек. — Свет прямо в глаза.

Лиана налила ей чаю и некоторое время молча смотрела на дочь. Потом, как бы невзначай, спросила:

— Ты опять собираешься к нему?

— К кому? — Мира сделала вид, что не поняла, но улыбнулась в чашку.

— К твоему другу из города. Как там его? Деви?

— Ну да, мама. Мы же говорили. Он мой друг.

Лиана покачала головой, но без злобы.

— Твои тёти уже шепчутся. Говорят, дочь мага Огня бежит в трущобы. К низшим.

— А пусть шепчутся, — Мира пожала плечами. — Я никому не мешаю. И он не опасен. У него магии почти нет. Одна искра, светлячка зажечь — и то не всегда.

Она сказала это так, будто объясняла что-то очевидное. И в этом была суть их мира. В этом городе, в этом королевстве, где магия была всем — богатством, силой, властью, — люди делились на высших и низших. Те, у кого магия текла рекой, жили в замках, правили, носили шёлк и золото. Те же, у кого её почти не было, становились слугами, ремесленниками, чистильщиками — теми, кто работал руками. Переступить эту черту было невозможно. Рождение определяло всё.

Лиана вздохнула.

— Ты слишком часто убегаешь к нему. Что подумают люди?

— А пусть думают что хотят, — Мира откусила лепёшку. — Он добрый. Он слушает меня. Я могу говорить с ним о чём угодно, он никогда не перебивает.

— И что ты ему рассказываешь?

— Всё. Про замок, про отца. Про то, как хочу выйти замуж и получить магию.

Лиана чуть нахмурилась, услышав последние слова. Она знала, о чём говорит дочь, хотя вслух об этом говорили редко.

В этом мире магия у женщин была заперта. Она спала глубоко внутри, нерастраченная, пока девушка не выходила замуж. Во время Слияния — так называли первую брачную ночь — магия мужа пробуждала магию жены. Она перетекала, соединялась, смешивалась с его силой и становилась её собственной. Это было красиво и пугающе одновременно.

Существовала старая традиция — проверка совместимости. Говорили, что если магии жениха и невесты не подходят друг другу, то в Слиянии женщина может погибнуть. Или хуже — выжить, но потерять дар навсегда. Таких называли «угасшими», и они жили как проклятые, без магии, без силы, без будущего.

Потому перед свадьбой знатные семьи приглашали жрецов-камертонов. Те касались девушек и их женихов священными артефактами и слушали, как гудит посох. Если звук был чистым — свадьбу играли. Если нет — многие отказывались от брака, боясь рисковать.

Но это не было законом. Это была вера. Суеверие, которое передавалось из поколения в поколение. Одни следовали ему строго, другие считали глупостью. Особенно сильные маги, те, кто верил только в свою силу и власть, часто пренебрегали проверкой. «Не страдайте ерундой», — говорили они. — «Магия сама найдёт путь».

Мира не верила в эти страшилки. Она слышала истории об угасших женщинах, но считала это сказками для наивных. С ней такого не случится, потому что она сильная. Потому что она дочь мага Огня.

— Мама, — сказала Мира, отпивая чай, — а правда, что когда я выйду замуж, я стану свободной? Ну, я получу магию, смогу делать всё, что захочу. Я смогу летать, создавать иллюзии, говорить на равных с мужчинами. Это же так?

Лиана посмотрела на неё. На её горящие глаза, на её уверенность. Она так хотела сказать: «Нет, дочка, магия не даёт свободы. Я тоже была уверена, а потом поняла, что стала просто женой, а не хозяйкой своей жизни». Но она промолчала.

Зачем разрушать её мечты? Зачем говорить горькую правду, если Мира всё равно не поймёт? Она молодая, горячая, верит в светлое будущее. В её возрасте Лиана тоже не слушала старших. Она сама должна пройти этот путь, набить шишки, разочароваться или найти счастье.

Лиана не хотела быть той, кто отнимет у дочери надежду.

Она улыбнулась — мягко, тепло — и сказала:

— Конечно, дочка. Всё будет хорошо. У тебя всё будет хорошо.

Но в глубине души, где никто не мог услышать, она обратилась к древним богам, к ветру, к звёздам — ко всему, что было выше этого мира. Она молилась. Она просила, чтобы Мира не повторила её судьбу. Чтобы муж оказался добрым. Чтобы магия не стала клеткой. Чтобы дочь была по-настоящему счастлива, а не просто сильной. Чтобы любовь пришла к ней настоящая, а не та, которой кормят девочек в сказках.

Лиана смотрела на Миру и молилась. Потому что ничего другого она не могла сделать.

Мира не заметила её мыслей. Она допила чай, встала, чмокнула мать в щёку и выскользнула из гостиной.

Лиана осталась одна. Она смотрела в окно, за которым виднелись крыши города и трущобы, где жил тот самый мальчик с одной искрой. Она видела, как Мира бежит через сад к калитке, и снова прошептала одними губами:

— Пусть у неё всё будет хорошо. Пусть она будет счастлива. Пожалуйста...

Ветер качнул шторы, словно кто-то услышал.

Глава 2. Сад и друг

Сад встретил Миру ветром и запахом дикой мяты. Деревья шумели листвой, дорожки были усыпаны сухими листьями, кусты разрослись так, что почти скрывали старую скамью. Здесь всё было живым, но запущенным — забытым уголком, который выпал из памяти всех магов.

На скамье под развесистым дубом сидел Деви.

Он был высоким, стройным, с тёмными, чуть взлохмаченными волосами и яркими глазами, в которых всегда теплился живой, внимательный свет. Он не был похож на тех тихих, забитых низших, которых Мира иногда видела в городе. В нём была какая-то гордая стать, уверенность, которую не могли стереть ни бедность, ни грубая работа. Когда он улыбался — а он улыбался часто, — его лицо становилось почти красивым. Почти. Мира этого не замечала. Для неё он был просто Деви. Друг. Тот, к кому можно прийти, выговориться, пожаловаться.

Он встал, когда она вошла, и улыбнулся той своей тёплой, открытой улыбкой. В глазах его мелькнула та самая искра, которую Мира никогда не видела. Она смотрела, но не замечала. Потому что не могла позволить себе заметить. Потому что знала: между ними пропасть, которую не перепрыгнуть. Даже если бы она захотела. А она не хотела. Или не позволяла себе хотеть.

— Привет, — сказал он, садясь обратно и похлопывая по скамье рядом с собой. — Ну, рассказывай. Чем вчера занималась?

Мира плюхнулась рядом, откинулась на спинку и закатила глаза.

— Ой, не спрашивай. Опять наряды. Уже третий день подряд привозят то одно, то другое. Ткани, фасоны, примерки до вечера. Я уже устала стоять перед зеркалом, как кукла.

— И что, красивые наряды? — спросил он с лёгкой усмешкой.

— Красивые, — она пожала плечами. — Но это не просто так, Деви. Я чувствую. Мама сегодня сказала, что отец созвал всех к обеду. Тёти, дяди, кузены — все приедут. Она хочет объявить новости. Мне кажется, он нашёл мне жениха.

Глаза Мира загорелись. Она подпрыгнула на скамье и повернулась к нему.

— Представляешь? Наконец-то! Я так долго ждала. Я хочу увидеть его, Деви. Я хочу знать, кто он. Сильный, знатный, красивый. Надеюсь, он будет достойным.

Деви смотрел на неё. На её сияющее лицо, на её горящие глаза. Она была так прекрасна в этот момент, что у него перехватывало дыхание. Но он молчал. Он умел молчать, когда хотелось кричать.

— Ну что ты так хочешь замуж? — спросил он, стараясь говорить легко. — Ты же ещё такая молодая. Вон, даже я в твоём возрасте не спешу.

Мира фыркнула и посмотрела на него с удивлением.

— Ты что, дурак? Совсем не понимаешь?

Она наклонилась к нему, понизив голос, хотя вокруг никого не было.

— Я хочу получить магию, Деви. Настоящую. Я хочу летать, управлять ветром, создавать иллюзии. Хочу быть сильной, чтобы никто не указывал мне, что делать. Ты понимаешь? Сейчас я как в клетке. А когда выйду замуж — я стану свободной.

Деви усмехнулся, но в глазах его промелькнула тень.

— Так у тебя же уже есть магия, Мира. Ты же можешь делать вещи.

Она резко повернулась к нему, глаза расширились от испуга.

— Тише! — прошипела она, оглядываясь по сторонам. — Ты что, с ума сошёл? Никому не говори об этом! Никогда! Слышишь?

Она схватила его за рукав и потянула к себе, заглядывая в глаза.

— Деви, пожалуйста. Если кто-то узнает, у меня будут большие проблемы.

Она отпустила его и откинулась на спинку скамьи, выдыхая.

В этом мире существовал неписанный закон, которого все придерживались. Женщины не должны были проявлять магию до замужества. Считалось, что их дар спит и пробуждается только после Слияния. Но иногда случалось иначе. Иногда у девушек просыпалась магия раньше — маленькая, слабая, почти незаметная. И это считалось неправильным. Почти дурным знаком. Тех, кто не умел скрывать свою раннюю искру, могли назвать «нечистыми» или «ненормальными». Их сторонились. Некоторые семьи даже отказывались от таких дочерей, боясь позора.

Поэтому Мира скрывала. Она научилась это делать с детства. Иногда у неё что-то искрило в пальцах, когда она злилась. Иногда ветер путал её волосы, даже когда вокруг было тихо. Она знала, что это не просто совпадения. Но она никогда не говорила об этом вслух.

Кроме Деви. Он был единственным, кто видел. Кто знал. И кто никогда не осуждал.

— Но это же глупость, — сказал он негромко, но в голосе его звучало возмущение. — Я видел, что ты можешь. Ты создавала иллюзии в этом саду, когда думала, что я не смотрю. Я видел, как ветер слушается тебя. Это магия, Мира. Настоящая. Твоя. Почему ты должна её прятать? Почему люди считают, что женщина может быть магом только рядом с мужчиной?

— Деви, — она повернулась к нему и посмотрела строго, почти сердито, — ты же понимаешь, в каком мире мы живём. Законы, традиции — они не для меня писаны? Если кто-то узнает, меня начнут считать... неправильной. И тогда никакой жених не захочет на мне жениться.

Она говорила шёпотом, но в голосе её слышалась настоящая тревога.

— Пожалуйста, прошу тебя. Никому ни слова.

Деви сжал челюсти. Он хотел кричать. Хотел говорить о том, как несправедлив этот мир. Как глупо прятать то, что делает её уникальной. Но он увидел страх в её глазах и промолчал.

— Ладно, — сказал он глухо. — Хорошо. Никому не скажу. Но ты же знаешь, что я считаю это неправильным, да?

— Знаю, — она слабо улыбнулась. — Ты всегда считаешь всё неправильным.

Она помолчала, глядя в небо, а потом вдруг заговорила снова:

— Но сегодня всё может измениться. Сегодня я увижу его. Моего жениха. Я уверена. И я буду счастлива.

Деви смотрел на неё. На её профиль, на ветер в её волосах, на лёгкую улыбку на губах. Он хотел сказать ей что-то. Что-то важное. Но не мог.

— А если он окажется тем, кто запретит тебе даже дышать? — спросил он тихо.

— Не окажется, — отрезала Мира. — Ты просто завидуешь, что я наконец-то вырвусь из этого замка.

Она встала и отряхнула платье.

— Мне пора. Сегодня большой обед. Я должна переодеться.

Она шагнула к калитке, но обернулась:

— Не смотри на меня так, Деви. Я всё равно не пойму, что ты хочешь сказать.

Она ушла. Оставила его одного в саду, на скамье, с голосом, застрявшим в горле.

Он не сказал ей правды. Он никогда не говорил.

Глава 3. Обед и объявление

Мира влетела в замок запыхавшаяся, с покрасневшими щеками и улыбкой на лице. Сердце колотилось, но не от быстрого бега — от предвкушения.

В коридоре её перехватила мать. Лиана стояла с мягким, но встревоженным лицом, в руках держала платок и нервно теребила край.

— Мира! Где тебя носит? Отец уже пришёл, гости все собрались, тёти сидят в гостиной и перешёптываются. Давай быстрее, переодевайся. У него серьёзное объявление.

Мира кивнула, не в силах сдержать улыбку. Она чмокнула мать в щёку и пулей взлетела по лестнице, оставляя за собой шум юбок.

— Я мигом, мама!

Она бежала по коридору, срывая с себя на ходу шаль. Сердце колотилось где-то у горла. Она знала. Она чувствовала. Отец нашёл ей жениха.

В своей комнате она застыла перед сундуком, на мгновение растерявшись. Какое платье? Голубое, расшитое серебром? Или бордовое с золотом? Мама советовала неброское, но разве можно быть неброской в такой день? Она выбрала то самое — голубое, с длинным шлейфом и вышивкой, которая переливалась на свету, будто настоящие звёзды.

— Ты красивая, — шепнула она своему отражению. — Ты будешь счастлива.

Она спустилась вниз через десять минут. В большой столовой уже шумели. За длинным столом собралось всё семейство Рубиан — старый, могущественный род, чьё имя гремело по

всему королевству уже несколько столетий. Тётки — толстые, в ярких платьях, с громкими голосами, перетирали сплетни. Дяди в тёмных халатах важно обсуждали политику. Кузены переглядывались и хихикали, косясь на Миру.

Во главе стола сидел отец — лорд Магнус Рубиан. Ему было за пятьдесят, но он выглядел статным, подтянутым мужчиной, в котором чувствовалась былая сила. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица, седеющими висками и пронзительными глазами цвета тёмного янтаря. Когда-то он был самым молодым магом Огня, получившим место в Совете. Он поднимался по лестнице власти быстро и безжалостно, переступая через соперников, уничтожая врагов, сжигая их дотла — в прямом и переносном смысле.

Говорили, что в молодости он был другим. Горячим, но справедливым. Влюблённым в свою жену. Но годы, власть и постоянная борьба за место под солнцем сделали его жёстким. Он разучился слушать. Он разучился сомневаться. Он верил только в силу, в род, в выгоду. Всё остальное он считал слабостью, особенно в женщинах. Когда-то он любил Лиану. Теперь он просто владел ею, как владел своими землями и титулами. Она была его собственностью, красивым дополнением к его могуществу. И он не позволял ей иметь голос.

Мира скользнула на своё место, рядом с матерью. Лиана мягко коснулась её руки под столом — это было похоже на поддержку, но Мира не поняла, отчего мать так напряжена.

Обед начался. Подавали суп, потом жареное мясо, потом сладости. Гости болтали о пустяках — о погоде, о ценах на ткани, о каком-то дальнем родственнике, который опять проиграл состояние. Тётки Рубиан, тучные и напoмаженные, обсуждали, кто из молодых магов сейчас на виду. Дяди Рубиан, с тяжёлыми подбородками и суровыми взглядами, говорили о налогах и землях.

Лорд Магнус молчал, наливая себе вино и поглядывая на дочь тяжёлым, оценивающим взглядом. Он уже всё решил. Он уже всё просчитал.

Мира то и дело бросала на отца взгляды, но он не подавал вида. Она ела, но не чувствовала вкуса. Ждала. Сердце колотилось так сильно, что ей казалось — все слышат.

Наконец лорд Магнус отодвинул тарелку, вытер губы салфеткой и поднялся. Голос его, низкий и властный, перекрыл весь шум.

— Минуточку молчания, — сказал он громко.

Стол затих. Тётки перестали жевать. Дяди отложили вилки. Все взгляды устремились на него.

Лорд Магнус обвёл взглядом присутствующих и остановился на Мире.

— У меня есть объявление, — произнёс он. — Мира, дочь моя, к тебе сватается достойный человек. Маг Огня, как и я. Из знатного рода. Его зовут лорд Эдвин Файрстоун.

Он выдержал паузу, давая новости осесть в головах гостей. Имя Файрстоунов гремело по королевству не меньше, чем Рубиан. Старый, могущественный род, славящийся своей силой и

беспощадностью. Говорили, что они могут сжечь целый город одним взмахом руки. И теперь этот род породнится с Рубиан.

— Он сильный, влиятельный, и я считаю эту партию выгодной. Мы договорились о свадьбе.

Мира почувствовала, как улыбка расплывается по её лицу. Она смотрела на отца сияющими глазами. Маг Огня. Из рода Файрстоунов. Значит, сильный. Значит, достойный. Значит, она получит магию. Надеюсь, он ещё и красивый, — пронеслось у неё в голове, и она тут же смутилась собственной мысли. Она же молодая девушка, ей хотелось, чтобы муж был не просто сильным и знатным, а чтобы он ей нравился. Чтобы в нём было что-то тёплое, что-то живое, чтобы он смотрел на неё не как на партию, а как на женщину. Она сама себе в этом не признавалась, но внутри, глубоко, ей хотелось любви. Настоящей. Как в сказках, которые она в детстве слушала по ночам. Только сейчас она не думала об этом вслух. Она просто улыбалась и чувствовала, как сердце бьётся быстрее.

За столом раздался одобрительный гул. Тётки Рубиан закивали, переглядываясь с довольными лицами. Дяди важно кивнули, будто сами участвовали в переговорах. Один из кузенов присвистнул, но тут же получил подзатыльник от отца. Мира почувствовала, как мать под столом сжала её руку — слишком сильно.

Но Мира не придавала этому значения.

Она знала, что её магия — Воздух. Ветер. Он просыпался в ней иногда, без спроса, путая волосы и шевеля шторы. Но она старалась не думать об этом. Магия Огня не совпадает с магией Ветра, говорили люди. Это может быть опасно. Но Мира верила в то, что когда она выйдет замуж, её магия переродится. Она соединится с магией мужа и станет чем-то новым. Это же так работает, правда? Так должно быть.

Лорд Магнус, наверное, думал так же. Если у него Огонь, значит, и у дочери должен быть Огонь. Зачем проверять? Зачем сомневаться? Он сильный маг, он знает.

Мира улыбнулась и посмотрела на мать. Лиана улыбнулась в ответ — но в её глазах стояла тревога, которую Мира не заметила. Мать помнила. Она помнила, как в детстве Мира, играя, поднимала ветер, который гасил свечи. Как однажды, когда она злилась, штора взлетела к потолку и упала только через минуту. Это был не Огонь. Это был Воздух. И Лиана боялась, что муж ошибается.

После обеда все разошлись. Гости толпились в гостиной, обсуждали новости. Мира, счастливая, убежала в свою комнату, чтобы помечтать о будущем муже, о магии, о том, какой он красивый и сильный. Она даже не оглянулась на мать.

А Лиана осталась в столовой. Она подошла к мужу, который стоял у окна и смотрел на город. Вечернее солнце подсвечивало его профиль, делая его лицо ещё более суровым.

— Послушай, — начала она тихо, стараясь говорить спокойно, — ты же понимаешь, что не обязательно у Миры будет магия Огня. Мы не знаем. Нам нужно провести проверку. Я думаю, это очень важно. Я прошу тебя...

Лорд Магнус медленно повернулся к ней. Взгляд его был тяжёлым, холодным, как расплавленный металл.

— Перестань, — сказал он резко. — Хватит мне мозги делать. Я всё решил. Свадьба будет.

— Но если их магии не сойдутся? — Лиана умоляюще посмотрела на него, голос её дрожал. — Если она пострадает? Я знаю, что ты не веришь в эти проверки, но...

— Я сказал — хватит, — оборвал он её, и в голосе его послышалось металлическое предупреждение. — Женщина не должна лезть в дела мужчин. Я знаю, что делаю.

Он сделал шаг к ней, и Лиана невольно отступила, опустив глаза. Она знала этот взгляд. Она знала этот тон. Спорить было бесполезно.

— Ступай, — сказал он коротко и отвернулся к окну.

Лиана вышла, не сказав больше ни слова. В коридоре она прижала руки к груди и закрыла глаза.

— Молюсь только чтобы ты не ошибся, — прошептала она одними губами.

А за окном дул ветер. И Мира, сидя в своей комнате, расчёсывала волосы и улыбалась собственному отражению, не зная, что мать стоит внизу и молится за её судьбу.

Глава 4. Подготовка и прибытие

Следующая неделя выдалась суматошной.

Весь дом готовился к приезду жениха и его родни. В этом мире так было заведено: сначала знакомство. Жених с семьёй приезжал в дом невесты, они дарили подарки, смотрели друг на друга, общались. На третий день приглашали жреца-камертона, который проверял совместимость магии. Если всё было хорошо, объявляли о помолвке. Семья жениха уезжала, и через несколько месяцев возвращалась уже на свадьбу.

Это была традиция. И Рубиан должны были соблюсти её безупречно.

Лорд Магнус настаивал на этом. Он требовал от Лианы, чтобы всё было идеально. Чтобы столы ломились от яств, чтобы комнаты сияли чистотой, чтобы слуги не смели поднять глаз. Он говорил коротко и резко, не терпя возражений.

— Чтобы всё было сделано как надо, — сказал он жене за день до приезда. — Мне не нужен позор.

Лиана кивнула. Она почти не спала эти ночи — на ней лежала вся ответственность за приготовления. Нужно было проверить, чтобы слуги натёрли паркет, чтобы скатерти были без единой складки, чтобы блюда подавались вовремя и в нужном порядке. Она ходила по дому, отдавала приказы, перепроверяла списки. Уставала, но не могла остановиться.

— Здесь недостаточно чисто. Перестелите скатерть. Эта ваза стоит криво. Скажите повару, чтобы мясо было нежнее.

Тётки Рубиан суеились, обсуждали наряды и подарки. Дяди важно переговаривались о том, как встретить гостей. А Мира была занята другим — её готовили к встрече с женихом. Каждое утро к ней приходила тётка Марта, старая дева, которая всегда командовала молодыми девушками, и наставляла:

— Когда войдёт лорд Эдвин, ты должна стоять смирно. Голову не поднимай сразу. Сначала опусти взгляд, потом медленно подними. Улыбнись, но не слишком широко. Не показывай зубов. Это невежливо.

Мира слушала, кивала, но внутри всё кипело от нетерпения. Ей хотелось увидеть его. Узнать, какой он. Она представляла его высоким, статным, с тёмными волосами и уверенным взглядом. Сильным и красивым. Она не могла дождаться.

— И запомни, — продолжала тётка, — ты должна говорить тихо. Не перебивай мужчин. Если тебя спрашивают — отвечай коротко и скромно. Не болтай лишнего. Ты невеста из рода Рубиан, не какая-то деревенская девка.

Мира сдерживалась, чтобы не закатить глаза. Она улыбалась и обещала быть послушной. Но в душе она мечтала о том, чтобы жених оказался не слишком строгим. Чтобы в нём было что-то тёплое.

За эту неделю она почти не видела Деви. Она знала, что он ждёт её в саду. Но времени не было. Каждый день был расписан — примерки, уроки этикета, приготовления. Она даже не успевала сбежать на часок. И когда однажды утром она выглянула в окно и увидела, как ветер качает ветку старого дуба в саду, ей стало немного грустно. Но она прогнала эту мысль.

Всё было ради этого дня.

Наконец настало утро приезда. Мира проснулась рано, ещё до рассвета. Сердце колотилось как бешеное. Она надела то самое голубое платье — единственное, в котором чувствовала себя красивой. Служанка уложила ей волосы лёгкими волнами, вплела в них серебряную ленту.

— Ты прекрасна, госпожа, — сказала служанка, отступая на шаг.

Мира посмотрела в зеркало. Глаза её блестели. Она была готова.

Внизу уже суеились. Гости начали съезжаться к полудню. Ворота распахнулись, и во двор въехала карета с гербом рода Файрстоунов — пламенем, выкованным из золота. Сердце Миры пропустило удар.

Она стояла в гостиной рядом с матерью, когда лорд Магнус вышел встречать гостей. В дом вошли мужчины в тёмных одеждах и женщины в ярких платьях. И среди них — он. Лорд Эдвин Файрстоун.

Он был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами и острыми чертами лица. Он был красив, но в нём чувствовалось что-то холодное, почти надменное. Он смотрел на Миру не

как на женщину — как на вещь. Как на приобретение. Он осмотрел её с ног до головы и чуть заметно кивнул, будто одобряя покупку. Мира почувствовала, как внутри что-то сжалось. Но она не подала виду, она улыбнулась так, как учила тётка.

— Добро пожаловать, — сказала она тихо.

Лорд Эдвин ответил коротким кивком. В глазах его не было тепла.

Отец встретил его с распростёртыми объятиями, будто старого друга. Тётки засуетились, предлагая гостям напитки. Дяди повели мужчин к столу. Разговоры, шум, смех. Мира чувствовала на себе взгляд матери. Лиана смотрела на неё с такой тревогой, что Мира отвела глаза.

Наступил вечер. Гости сидели за столом, обсуждали политику и цены на землю. Мира почти не говорила, только улыбалась и кивала, когда нужно. Она украдкой посматривала на жениха, но тот не обращал на неё внимания. Он разговаривал с отцом о союзе, о налогах, о выгоде. Мира чувствовала себя приложением к этому разговору.

Отец подошёл к ней и сказал коротко:

— Всё хорошо, дочка. Не позорь меня.

Она кивнула. Внутри у неё всё дрожало, но она улыбалась.

А Лиана тем временем отошла в сторону и жестом подозвала жреца-камертона — старого мага, который должен был провести проверку на третий день. Он стоял у окна, старый, седой, с длинным посохом в руках.

— Я вас очень прошу, — сказала Лиана шёпотом, чтобы никто не слышал. — Если мой муж будет настаивать на том, чтобы не проверять магию, я прошу вас... прошу вас, проверьте её сами. Скажите, что так надо. Скажите, что традиция требует.

Жрец посмотрел на неё усталыми глазами.

— Госпожа, я не могу, — ответил он тихо. — Проверка может быть только с позволения мужа. И я должен видеть и её, и его. Если он не согласен — я не могу вмешиваться. Это закон.

— Но если её магия не совпадёт? — Лиана схватила его за рукав. — Если она не огненная? Я знаю, что она... она другая. Я видела.

Жрец вздохнул.

— Госпожа, это не просто проверка стихий, — сказал он. — Бывает так, что магия Огня и Ветра сходитя. Бывает, что и Вода с Огнём подходят. Всё зависит от глубины, от внутреннего резонанса. Мы не можем знать наверняка, пока не прикоснёмся к ним обоим. Если они не подходят друг другу — мы это увидим. Но если я не получу разрешения... я ничего не могу сделать.

Лиана опустила голову. Она знала, что муж не позволит проверки. Он считал это суеверием. И теперь она чувствовала, как страх сжимает горло.

— Я молюсь, чтобы они подошли, — прошептала она.

А Мира в это время сидела за столом, смотрела на жениха и мечтала, чтобы он оказался добрее. Но он не смотрел на неё. Он смотрел на её отца.

Глава 5. День встречи

Миру разбудили в три часа ночи.

За окном было ещё темно, только где-то далеко светилась луна, и ветер тихо шевелил шторы. Служанка вошла в комнату на цыпочках и осторожно коснулась плеча Миры.

— Госпожа, просыпайтесь. Пора вставать.

Мира открыла глаза. Она ещё не понимала, где находится, но через мгновение вспомнила — сегодня приезжает жених. Её сердце сразу забилось быстрее. Она села на постели, и служанка помогла ей встать.

Комната уже была наполнена людьми. Две горничные принесли большие медные тазы с тёплой водой, третья разложила на стуле мягкие полотенца, вышитые по краям серебряной нитью. Ещё одна служанка держала в руках кувшин с ароматной водой, от которой пахло розами и лавандой. В углу уже стояла жаровня с углями, чтобы в комнате было тепло, и две свечи горели на туалетном столике, отражаясь в зеркале.

Служанка, которая разбудила Миру, осторожно подвела её к большому тазу и начала умывать мягкой губкой, смоченной в тёплой розовой воде. Вода пахла травами и цветами. Мира закрыла глаза и позволила себе расслабиться — сегодня она не должна была делать ничего сама. Сегодня она должна была только быть красивой.

Ей вымыли волосы трижды — сначала просто водой, потом настоем ромашки, потом ещё раз водой с маслом жасмина. Служанки работали быстро, но очень осторожно, боясь сделать лишнее движение. Волосы Миры были длинными, густыми, тёмными, и они требовали много времени.

В комнату вошла Лиана. Она была в простом утреннем платье, без украшений, но всё равно выглядела величественно. Она подошла к дочери и жестом отпустила одну из служанок.

— Я сама, — сказала она тихо, беря в руки мягкое полотенце.

Мира удивлённо посмотрела на мать. Лиана никогда не помогала ей с волосами. Но сегодня она улыбнулась — мягко, тепло — и начала осторожно промокать мокрые пряди Миры.

— Сиди смирно, — сказала Лиана, и Мира послушно замерла.

Мать сушила её волосы, перебирая их пальцами, и на её руках появлялся слабый тёплый свет. Это была магия огня — её магия. Лиана не использовала её часто, предпочитая быть

тихой и незаметной, но сегодня она мягко нагревала воздух вокруг прядей, и волосы Миры быстро высыхали, становясь шелковистыми и блестящими.

Мира чувствовала тепло на затылке, исходящее от маминых пальцев, и ей было так спокойно, как не было уже много дней. В комнате пахло мокрыми волосами и едва уловимым запахом углей. Служанки стояли смирно, опустив глаза.

А потом Мира подумала о том, что обычно она сушит волосы сама. Не магия огня, не тепло — она просто призывала ветер, и тот мягко продувал её волосы, делая их лёгкими и пушистыми. Она делала это почти каждый день, не задумываясь. Но сейчас, впервые, ей стало как-то неловко. Она почувствовала, что ей стало стыдно. Стыдно за то, что она, дочь рода Рубиан, из семьи огненных магов, пользуется этим. Что она не такая, как они. Что внутри неё не огонь, а ветер.

Она никогда не признавалась в этом. Никому. Даже себе. Но сейчас, глядя на мамины руки, которые излучали мягкое тепло, она вдруг поняла — она всегда скрывала. И ей стало горько.

Она помотала головой, прогоняя эти мысли. Сегодня не время думать о таком. Сегодня она не должна вспоминать о ветре. Сегодня она будет невестой мага Огня. И всё будет хорошо.

— Вот так, — сказала Лиана, когда волосы высохли, и погладила Миру по голове.

— Спасибо, мама, — тихо сказала Мира, чувствуя, что ей хочется заплакать — почему-то вдруг, без причины.

Лиана улыбнулась ей, присела рядом и взяла в руки щётку. Она принялась расчёсывать длинные волосы Миры, осторожно, прядь за прядью, пока они не заблестели как шёлк. Мира сидела неподвижно, наслаждаясь маминой близостью.

Через некоторое время в комнату вошла тётка Марта — с важным видом, окинула Миру строгим взглядом и подошла к туалетному столику, где уже лежали баночки и кисточки.

— Всё готово? — спросила она резко, и Лиана мягко кивнула, оставляя щётку.

— Садись ровно, — сказала тётка Мире, и та послушно выпрямилась.

Тётка Марта начала наносить на лицо Миры лёгкую краску. Сначала она взяла маленькую баночку с белой пудрой и мягкой кисточкой нанесла её на скулы, лоб и подбородок, делая кожу светлой и сияющей. Потом тщательно подвела глаза Миры чёрным порошком, смешанным с золотой пылью, отчего взгляд Миры стал глубже и ярче. На губы легла тонкая алая полоска, делая их более сочными и алыми.

— Не двигайся, — приказала тётка, когда Мира попыталась посмотреть на себя в зеркало.

Мира замерла. Она чувствовала, как кисточки касаются её лица, как прохладные тени ложатся на кожу. Она ощущала себя почти как картина, которую пишут по частям. И ей это нравилось.

После того как лицо было готово, тётка Марта отошла на шаг, оценивая свою работу, и довольно кивнула.

— Теперь волосы.

Три служанки взяли за волосы Миры, но Лиана осталась рядом и помогала. Это была долгая работа. Мира сидела смирно, чувствуя, как пальцы служанок двигаются в её волосах, закрепляя каждый локон, каждую прядь. Они заплетали их в сложные косы, вплетая в них жемчужные нити и мелкие золотые заколки в форме языков пламени. Каждая заколка была маленьким произведением искусства — тонкие золотые лепестки, закрученные вверх, будто живой огонь, застывший в драгоценном металле. Они поблёскивали в свете свечей, и казалось, что в волосах Миры пляшут настоящие искры.

Прошёл час. Потом второй. Служанки меняли инструменты, переплетали косы, поднимали волосы, закрепляли шпильки. В комнате стояла тишина, нарушаемая только шёпотом Лианы и короткими указаниями тётки Марты. Мира не шевелилась. Она смотрела перед собой и не видела, сколько времени прошло, пока наконец одна из служанок не отступила на шаг.

— Готово, — сказала она тихо.

Тётка Марта подошла к Мире, осмотрела причёску со всех сторон, поправила одну прядь и кивнула.

— Хорошо, — сказала она.

Волосы Миры были уложены в высокую сложную причёску, из которой спускались тонкие локоны, обрамляющие лицо. В них переливались жемчуг и золото, и казалось, что сама Мира стала частью того огня, который горел в её роду. Или того, которым её род хотел казаться.

В это время в доме стоял шум.

Слуги бегали по коридорам с подносами и скатертями, на кухне грохотали кастрюлями, дяди Рубиан ходили из комнаты в комнату, проверяя, чтобы всё было готово. Лорд Магнус уже спустился вниз и зычным голосом отдавал приказы, от которых слуги вздрагивали. Он был на нервах.

— Где серебряные приборы? Почему не принесли? Немедленно!

Один из слуг чуть не уронил поднос, услышав его голос, и застыл на месте. Никто не смел поднять глаза на хозяина. В доме пахло страхом. Каждый боялся ошибиться, лишний раз вздохнуть не так. Глаза слуг бегали, руки дрожали. Они старались двигаться бесшумно, быстро, но от страха что-то падало, звенело, и тогда голос лорда Магнуса раздавался снова, заставляя всех вздрагивать ещё сильнее.

Лиана уже была внизу, когда Мира осталась в комнате со служанками. Она обвела взглядом столы, приборы, цветы в вазах. Всё было идеально. Но она всё равно перепроверяла каждую мелочь, потому что знала: если что-то пойдёт не так, виновата будет она.

Когда волосы Миры были готовы, горничные подошли к шкафу и открыли тяжёлые дверцы. Там, на мягкой вешалке, аккуратно расправленное, висело платье. Мира знала его. Она видела его много раз за последнюю неделю — когда его шили, когда его привезли, когда она его примеряла и когда его подгоняли по фигуре. Оно было создано для неё и уже стало частью этого дня.

Оно было тёмно-золотым. Не ярким, не блестящим, а глубоким, с медным отливом, как пламя в глубине костра, как свет закатного солнца, застывший в дорогой ткани. Платье переливалось разными оттенками — золотистым, медным, янтарным, — и казалось, что если смотреть на него долго, можно увидеть в нём всё разнообразие огня, от самого светлого до самого тёмного. Но оно было сдержанным. Не кричащим. Благородным.

На нём была вышивка по лифу — нежная, тонкая, почти прозрачная, золотая нить сплеталась в узоры, напоминающие язычки пламени, но они были неяркими, тихими, почти невидимыми, пока свет не падал под нужным углом. Рукава были длинными, плотно облегающими до запястий, ниспадающими мягкими складками у кистей. Воротник закрывал шею, высокий, изящный, без единого открытого участка. Юбка струилась от талии до самого пола и переходила в шлейф — не слишком длинный, но достаточно тяжёлый, чтобы красиво лежать на полу.

Платье было закрытым. Скромным. Но в нём чувствовалась сила, которая не нуждается в том, чтобы быть выставленной напоказ. Оно шептало об огне, а не кричало о нём.

Горничные бережно сняли его с вешалки и подошли к Мире.

Они надевали его долго. Ткань облежала тело мягко, нежно, словно вторая кожа. Рукава сели идеально, воротник закрыл шею, подчеркнув её изящество. Шлейф горничные аккуратно расправили, и он потек по полу, оставляя за Мирой длинный золотой след.

Когда всё было готово, она медленно повернулась перед зеркалом. Платье переливалось разными оттенками тёмного золота — медным, янтарным, почти коричневым в тени, но когда свет падал на него, оно вспыхивало мягким тёплым сиянием. Оно идеально подходило под её золотистые глаза, делая их глубже и ярче. Она смотрела на себя и видела в отражении не просто девушку из рода Рубиан, а ту, которой предстояло стать частью огня.

Она была прекрасна. Великолепна. И сдержанна, как само пламя в глубине печи — сильное, но не вырывающееся наружу.

— Идём, — сказала тётка Марта, — гости уже съезжаются.

Мира ещё раз взглянула на себя в зеркало, глубоко вздохнула и вышла из комнаты.

В одиннадцать часов утра всё было готово. Столы в большой столовой ломились от угощений — мясо, рыба, фрукты, сладости. В доме было прибрано до блеска. Гости начали съезжаться к двенадцати, сначала родственники из рода Рубиан, потом советники.

Мира стояла у окна в своей комнате и смотрела на город внизу. Солнце уже поднялось высоко. Она подумала о Деви. О том, как они не виделись почти неделю, и как она предупредила его, что сегодня не сможет прийти. Она знала, что он не ждёт её в саду. И всё равно ей стало немного грустно.

Но она покачала головой, прогоняя эту мысль. О чём это она думает сейчас? Скоро гости. Скоро она увидит своего жениха.

— Всё будет хорошо, — прошептала она себе.

И в этот момент снизу раздался голос тётки Марты, перекрывающий шум суеты:

— Мира! Спускайся! Гости уже подъезжают!

И следом — мягкий, но встревоженный голос Лианы:

— Дочка, иди к нам. Пора.

Мира ещё раз взглянула на своё отражение, поправила невидимую складку на платье и, глубоко вздохнув, направилась к двери.

Глава 6. Встреча

Когда Мира спустилась вниз, в главном холле уже было шумно. Слуги бесшумно скользили по каменному полу, поправляя последние детали. Тётки и дяди стояли группками, перешёптываясь и поглядывая на входную дверь.

Лорд Магнус стоял у самого выхода, широкоплечий, в парадном чёрном халате с золотым шитьём. Он был невозмутим, как скала, и только его глаза, тёмные и тяжёлые, выдавали напряжение. Он ждал. Он всегда ждал, когда всё будет готово, чтобы в нужный момент всё пошло по его плану.

Когда Мира вошла в холл, он повернулся к ней, окинул взглядом с головы до ног, оценил платье, причёску, макияж. Чуть заметно кивнул — одобрительно — и сказал:

— Стой здесь. Рядом с матерью.

Мира послушно встала рядом с Лианой. Мать взяла её за руку — тихо, незаметно, но Мира почувствовала, как её пальцы чуть дрожат. Лиана тоже волновалась. Но Мира не придавала этому значения.

Лорд Магнус подошёл к выходу и громким голосом, который перекрыл все шумы, начал отдавать указания:

— Все по местам! Слуги — по краям, не шевелиться, не поднимать глаз. Женщины — молчать, стоять ровно. Мужчины — смирно. Когда откроются ворота, все стоят как каменные. Ни звука, ни движения. Мы встречаем достойных гостей — мы должны выглядеть достойно.

Он говорил резко, приказным тоном, и все слушались. Тётки и дяди выстроились в две шеренги за спиной лорда Магнуса. Слуги замерли по обеим сторонам, опустив головы, готовые замереть до тех пор, пока не прозвучит разрешение пошевелиться.

Мира стояла рядом с матерью, чувствуя, как ветер играет с её шлейфом, и старалась дышать ровно. Время тянулось медленно, очень медленно. Она не знала, сколько прошло — может, двадцать минут, а может, все сорок. Ей казалось, что она стоит здесь уже вечность. Каждая минута длилась как час. Она не могла пошевелиться, не могла сказать ни слова, даже вздохнуть глубже ей запрещали. Она стояла и смотрела на огромные железные ворота.

И наконец они открылись.

Сначала раздался скрип тяжёлых створок, потом глухой грохот, а потом в проёме показалась первая карета. Она была огромной, чёрной, с золотой отделкой. Её тянули четыре огромные лошади, украшенные красными лентами. На дверцах сиял герб рода Файрстоунов — пламя, выкованное из золота.

Карета медленно въехала во двор, остановившись прямо напротив крыльца. За ней, одна за другой, потянулись другие экипажи — целая вереница чёрных и тёмно-красных карет, каждая с гербом. Свита, слуги, родственники — их было так много, что Мира потеряла счёт. Двор замка заполнился людьми, экипажами и лошадьми.

Мира затаила дыхание. Она никогда не видела эту семью. Она знала, что род Файрстоунов — один из самых могущественных, но видела их только на расстоянии. Сейчас они были здесь, перед ней. Её сердце забилося так сильно, что она боялась, что его услышат все.

Из первой кареты вышел слуга, откинул ступеньку и распахнул дверцу.

Первым вышел глава рода Файрстоунов — высокий мужчина с огненно-рыжими волосами, в тёмно-красном халате, расшитом золотом. В нём чувствовалась власть. За ним показалась женщина в бордовом платье — его жена, мать жениха. Следом вышли двое молодых мужчин, оба с такими же яркими волосами. Один был немного старше, с жёстким лицом, другой — моложе, с более мягкими чертами. Рядом с ним стояла девушка, вероятно, его жена.

И тут Мира увидела его.

Лорд Эдвин Файрстоун.

Он был прекрасен. Высокий, статный, с огненно-рыжими волосами, которые отливали медью на солнце. На нём был тёмно-красный халат, расшитый золотыми узорами по вороту и рукавам, под которым виднелась чёрная рубашка. Его тёмно-карие глаза смотрели на неё с той же силой, с которой она смотрела на него. В них не было холода, который она видела вчера. В них было что-то другое — может быть, интерес, может быть, тепло.

Мира почувствовала, как её сердце замирает. Она смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он смотрел на неё так же неотрывно, и казалось, что в этом мире больше никого не существует.

А потом Мира вспомнила. Это неприлично. Она не должна так смотреть. Она должна опустить глаза, как учила тётка. Она должна быть скромной.

Она медленно опустила взгляд, чувствуя, как краска заливает её щёки. Но даже опустив глаза, она чувствовала его взгляд на себе — тёплый, внимательный, следящий за каждым её движением.

Лорд Магнус спустился по ступеням навстречу гостям и поприветствовал главу рода Файрстоунов. Они обменялись короткими фразами, поклонами, после чего все гости начали медленно подниматься по ступеням в замок.

Мира стояла рядом с матерью, чувствуя, как на неё смотрят. Все. И она боялась поднять глаза.

Они прошли в большой зал, где уже был накрыт стол на множество персон. Одна сторона стола была отведена для Рубиан, другая — для Файрстоунов. Мира села напротив лорда Эдвина. Ей было одновременно легко и тяжело смотреть на него. Его взгляд был нежным, тёплым — и это заставляло её сердце биться быстрее.

Она чувствовала, как семья Файрстоунов оценивает её. Мать жениха рассматривала её с лёгкой улыбкой, но в глазах её читалась внимательная оценка. Отец смотрел на неё тяжёлым взглядом, как на выгодное приобретение.

Но хуже всего был взгляд его брата. Он был старше, с острыми чертами лица и такими же красными волосами. Его взгляд был странным. Оценивающим. В нём было что-то, чего Мира не могла понять. Он смотрел на неё не как на невестку — как на что-то другое. И это вызывало у неё дрожь, которую она старалась скрыть.

Оба отца семейства сидели во главе стола — лорд Магнус во главе своих, лорд Файрстоун во главе своих. Между ними стояли вино и яства, но Мира почти не прикасалась к еде. Она не могла отвести взгляд от огненно-рыжих волос жениха, которые переливались в свете свечей.

И чувствовала, что его брат продолжает на неё смотреть.

Глава 7. Ужин и вечер

Обед длился долго. Столы ломились от яств, слуги бесшумно меняли тарелки и наполняли кубки. Разговоры текли легко — мужчины обсуждали политику, цены на землю, последние новости из столицы. Женщины переговаривались о нарядах, о погоде, о том, кто из знатных семей недавно обручился.

Мира сидела напротив лорда Эдвина и почти не прикасалась к еде. Она слушала, как он говорил с её отцом — уверенно, спокойно, с достоинством. Ей нравился его голос. Нравилось, как он держится. Нравилось, как иногда его взгляд скользил по ней, словно проверяя, здесь ли она ещё.

В какой-то момент одна из тёток Файрстоунов, полная женщина в красном платье, громко спросила:

— Мира, милая, а чем ты увлекаешься? Чем ты любишь заниматься в свободное время?

Мира слегка растерялась от неожиданности, но быстро взяла себя в руки.

— Я люблю музыку, — ответила она тихо. — Играю на рояле.

— О, какая прелесть! — воскликнула тётка. — А не сыграешь ли ты для нас что-нибудь?

Все взгляды устремились на неё. Мира почувствовала, как щёки начинают гореть, но она кивнула.

— С удовольствием, — сказала она и поднялась из-за стола.

Она прошла к роялю, который стоял в углу большого зала. Инструмент был старым, но хорошо настроенным. Мира села за него, провела пальцами по клавишам, делая глубокий вдох.

И заиграла.

Это был гимн их семьи — старинная мелодия, которую Рубиан передавали из поколения в поколение. Она звучала торжественно, гордо, в ней слышалась сила огня. Мира играла с закрытыми глазами, чувствуя каждую ноту, каждую паузу. А потом она запела. Голос её звучал чисто, пронзительно, наполняя зал светом.

Когда она закончила, в зале повисла тишина. А потом раздались аплодисменты. Гости хлопали, улыбались, переглядывались. Мира почувствовала, как краска заливает её щёки.

Она поднялась, собираясь вернуться на своё место, как вдруг почувствовала, что кто-то взял её за руку.

Лорд Эдвин стоял перед ней. Он смотрел на неё с такой теплотой, что у неё перехватило дыхание. Он помог ей встать, поддерживая её за локоть, и тихо сказал:

— Вы прекрасно играете. И поёте.

— Благодарю вас, — ответила она, стараясь не смотреть ему в глаза.

Они стояли у рояля, и никто не обращал на них внимания. Лорд Эдвин чуть наклонился к ней и спросил:

— Сыграете ли вы для меня ещё что-нибудь? Позже, может быть? Только для меня?

Мира почувствовала, как лицо её заливается краской. Она не знала, что ответить, и сказала первое, что пришло в голову:

— Так вы одиноличник?

Он тихо засмеялся — коротко, но искренне.

— О, возможно, — сказал он. — Возможно, я просто хочу услышать вас ещё раз.

Мира смутилась, опустила взгляд и почувствовала, что улыбка сама появляется на её губах. Она не успела ответить — их позвали обратно за стол.

После обеда дамы отправились на прогулку в сад. Мира шла в окружении женщин Файрстоунов и Рубиан, слушая их щебет о цветах, о свадебных платьях, о том, какой будет церемония. Она улыбалась, кивала, но мыслями была далеко — там, где мужчины ушли в библиотеку курить сигары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.